

11 июня 1941 г. Среда.

«...» Все должно служить тому, чтобы замаскировать акцию на Востоке. Сейчас следует применять более сильные средства. Впрочем, сама демаскировка замаскирована так, что никто ничего и не заметит. «...»

13 июня 1941 г. Пятница.

Вчера: «...» тема России снова выходит на первый план. «Таймс» публикует статью, в которой выражено максимальное недоверие к нашим утверждениям. Причем все это довольно точно. Но это не так плохо. Мы же, напротив, даем сообщение о том, что нашли хорошую базу для переговоров с Москвой. Это подчеркивается. Моя статья [в этом духе] со всеми церемониями передается в «Фелькишер беобахтер». В ту же ночь происходит конфискация газеты. В этот момент я переживаю тяжелую потерю престижа. Но это себя оправдывает. «Фелькишер беобахтер» хочет отозвать своего корреспондента из Москвы. Я запрещаю делать это, по крайней мере в данный момент. Партия пока еще держится хорошо. Мы должны теперь при всех обстоятельствах сохранить свое лицо. Но долго всю нашу маскировку мы соблюсти уже не сможем. «...»

Вопрос о России с каждым часом становится для всего мира большой загадкой. Будем надеяться, она не окажется разгаданной слишком рано. Мы делаем все возможное, чтобы замаскировать это дело. Но вот как долго еще это будет нам удаваться, одним богам известно. Дни до самой ночи наполнены оживленной работой. Скоро наступит развязка.

14 июня 1941 г. Суббота.

Вчера: моя статья напечатана в «Фелькишер беобахтер» и произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Ночью этот номер конфискуют, и теперь у меня звонят все телефоны. Внутри страны и за границей одновременно поднимается шумиха. Все удается безупречно. Я совершенно счастлив этим. Огромная сенсация — налицо. Английские радиостанции уже заявляют, что сосредоточение наших войск против России — блеф, которым мы прикрываем свои приготовления к высадке [в Англии]. Такова и была цель задумки! Впрочем, в зарубежной информационной политике царит полная неразбериха. Люди почти совсем потеряли ориентировку.

Русские, кажется, все еще ничего не подозревают. Во всяком случае, они сосредоточивают свои войска именно так, как мы только и можем того пожелать: концентрированно, а это — легкая добыча в виде военнопленных. Однако ОКВ уже не может слишком долго все это маскировать, так как необходимы мероприятия военного характера. «...» В Восточной Пруссии все сосредоточено так густо, что русские превентивными авиационными налетами могли бы причинить нам тяжелейший урон. Но они этого не сделают. На это у них смелости нет! Чтобы выиграть войну, нужна

дерзость. (...) Комедию с конфискацией «Фёлькишер беобахтер» мы разыграли правильно. (...)

Криппс выехал из Москвы в Лондон. Оттуда в мир изливается волна слухов. Все они крутятся вокруг России. Причем довольно точные. Москва дала [13 июня] официальное опровержение (ТАСС, оно было опубликовано в советской печати 14 июня 1941 г. — Сост.): о намерениях рейха осуществить нападение она ничего не знает. Наши переброски войск, мол, служат другим целям. Во всяком случае, Москва против якобы агрессивных намерений ничего не предпринимает. Великолепно! Моя статья явилась в Берлине большой сенсацией. Телеграммы летят во все столицы. Блеф вполне удался! Фюрер очень рад, а Йодль* просто в восторге. (...)

15 июня 1941 г. Воскресенье.

Все это — полный успех. Опровержение ТАСС оказалось еще сильнее, чем первоначально переданное сообщение о нем. Объяснение: Сталин явно хочет сильно выраженным дружеским тоном, а также утверждением, что ничего не произошло, заранее определить вину за предположительное развязывание войны. Из перехваченной радиотелеграммы мы, напротив, можем узнать, что Москва приводит в боевую готовность русский военно-морской флот. Значит, дело там обстоит уже не так безобидно, как это хотят показать. Но подготовка проводится крайне дилетантски. За настоящую акцию ее всерьез принимать нельзя. ОКВ очень довольно успехом моей статьи. Она представляет собой величайшую отвлекающую акцию. (...)

С Розенбергом** достигнуто соглашение, касающееся работы на Востоке. (...)

Тема России остается в Лондоне все еще горячо и страстно обсуждаемой, но там в общем и целом плавают в море слухов, не имеющих настоящего содержания. А если и говорится что-нибудь правильное, то это тонет во всем этом обмане. (...)

16 июня 1941 г. Понедельник.

Вчера: (...) во второй половине дня фюрер вызывает меня в Имперскую канцелярию. Мне приходится войти через заднюю дверь, чтобы это не бросалось в глаза. Вильгельмштрассе находится под постоянным наблюдением иностранных журналистов. Следовательно, здесь уместна осторожность! Фюрер выглядит превосходно и принимает меня с большой теплотой. Моя статья доставила ему чертовское удовольствие! Она дала нам некоторую передышку в наших лихорадочных приготовлениях. Фюрер подробно разъясняет мне положение: нападение на Россию начнется,

* Генерал-полковник, начальник штаба оперативного руководства вермахта, ближайший военный советник Гитлера. Примеч. сост.

** Имперский министр по делам оккупированных восточных территорий. Примеч. сост.

как только закончится сосредоточение и развертывание войск. Это будет сделано примерно в течение одной недели. Кампания против Греции потребовала применения большого количества техники, поэтому она продлилась несколько дольше. Хорошо, что погода была довольно плоха и урожай на Украине еще не созрел. Таким образом, мы можем надеяться получить его большую часть. Это будет массированное нападение самого крупного масштаба. Пожалуй, даже самое мощное из всех, какие видела когда-либо история. Пример Наполеона не повторится. Сразу же, в первое утро, начнется артиллерийский обстрел из 10 тыс. стволов. Мы применим новые виды артиллерийского оружия, которые предназначались для линии Мажино, но тогда не потребовалась. Русские сосредоточили свои войска точно на границе, для нас это — наилучшее из всего, что могло произойти. Если бы они были рассредоточены подальше, внутри страны, то представляли бы гораздо большую опасность. Русские имеют в своем распоряжении примерно 180 — 200 дивизий, может быть, даже несколько меньше, но приблизительно столько же, что и мы. По своей психологической и материальной ценности они с нашими вообще несравнимы. Прорыв будет осуществлен в различных местах. Русские будут сразу же отброшены. Фюрер рассчитывает, что вся эта акция потребует примерно четыре месяца, я же считаю, что меньше. Большевизм развалится как карточный домик. Мы находимся накануне ни с чем не сравнимого победоносного похода. Мы должны действовать.

Москва хочет остаться вне войны до тех пор, пока Европа не устанет и не истечет кровью. Вот тогда Сталин захотел бы действовать. Но мы перечеркнем этот расчет. Наша акция подготовлена так, как только вообще могут подготовить ее люди. У нас наготове такие резервы, что неудача начисто исключена. Географически эта акция не ограничена никакими границами. Будем сражаться до тех пор, пока больше не останется никакой русской военной силы. Япония — в союзе с нами. Так что и для этой страны акция тоже является необходимой. Токио никогда не решилось бы связываться с США, зная, что в тылу у него стоит невредимая Россия. Таким образом, Россия должна пасть и по этой причине тоже. Англия охотно сохранила бы Россию как надежду на будущее. В этом и состояла миссия Криппса в Москве. Она не удалась и носит его имя несправедливо. Однако Россия напала бы на нас, если бы мы стали слабыми, и тогда мы имели бы войну на два фронта, которую мы не допускаем этой превентивной акцией. Только тогда мы гарантируем свой тыл.

Боевую силу русских я оцениваю очень низко, но еще ниже ее оценивает фюрер. Если когда-либо какая-либо акция была и является обеспеченной, то именно эта. Мы должны напасть на Россию и для того, чтобы высвободить наших солдат. Неразбитая Россия заставляет нас постоянно держать 150 дивизий, солдаты которых срочно нужны нам для военной экономики, чтобы осуществить

нашу программу производства оружия, строительства подводных лодок и самолетов, и тогда США больше уже ничего не смогут замышлять против нас. У нас есть и сырье, и машины для трехсменной работы, но не хватает людей. А если мы разгромим Россию, то сможем высвободить целые контингенты и строить, вооружаться, готовиться. И только тогда мы сможем начать широкомасштабное наступление на Англию. Высадка все равно трудноосуществима. А значит, нужно создать гарантию победы. (...) Мы прекращаем полемику в печати, храним полное молчание, а в день «Х» просто-напросто наносим удар. Я настойчиво отговариваю фюрера от созыва в этот день рейхстага. Тогда рушится вся система маскировки. Он принимает мое предложение: разрешить зачитать его обращение по радио. (...) Таким образом, сохранение тайны абсолютно обеспечено.

Тенденция всей кампании очевидна: большевизм должен пасть, а у Англии будет выбита из рук ее последняя единственно мыслимая континентальная шпага. Большевистский яд должен исчезнуть из Европы. Против этого и Черчилль, и Рузельт мало что могут возразить. Вероятно, мы обратимся к епископату обоих вероисповеданий (евангелического и католического. — Сост.) с просьбой благословить эту войну как войну богоугодную. В России вовсе не будет восстановлен царизм, а, вопреки еврейскому социализму, будет осуществлен подлинный социализм. То, что нам доведется пережить это, дает глубокое удовлетворение каждому старому нацисту. Совместные действия с Россией, собственно говоря, были пятном на нашем щите чести. С этим будет покончено. Я говорю это фюреру, и он полностью соглашается со мной. (...) Фюрер говорит: справедливо или несправедливо, но мы должны победить! Это единственный путь. И он — справедлив, морален и необходим. А когда мы победим, кто спросит нас о методе! У нас все равно на совести столько, что мы должны победить, ибо иначе весь наш народ, а мы — во главе его, будем стерты с лица земли со всем, что нам дорого. Итак, за дело!

Фюрер спрашивает меня, что думает народ. Народ ведь полагает, что мы с Россией заодно. Будет ли он храбр, когда мы призовем его к войне против нее? Русские радиостанции глушатся нами, и теперь вот наши солдаты впервые получат возможность непосредственно познакомиться с отечеством рабочих и крестьян. Все они вернутся дикими антибольшевиками. Эта чума будет в Европе истреблена. Время для того назрело. Оправдание ТАСС, на взгляд фюрера, — порождение страха. Сталин дрожит перед грядущими событиями. Его лживой игре будет положен конец. Мы мобилизуем для себя сырье этой богатой страны. Тем самым надежда Англии уничтожить нас блокадой будет окончательно разрушена. И только тогда подводная война развернется по-настоящему: Англия будет повержена наземь.

Италия и Япония получат только извещение о том, что мы имеем намерение в начале июля направить России ультимативные

требования. Это быстро станет известным. Тогда мы снова полу-
чим несколько дней. В остальном же дуче о размахе нашей акции
еще не осведомлен. Антонеску знает несколько больше. Румыния и
Финляндия выступят вместе с нами. Наши полководцы, которые
в субботу побывали у фюрера, подготовили все самым наилучшим
образом. Наш пропагандистский аппарат готов и ждет. Мы еще
покажем себя! (...)

Чтобы завуалировать подлинную ситуацию, необходимо и далее
неотступно распространять слухи: мир с Москвой! Мол, Сталин
приезжает в Берлин. Будем надеяться, что нам еще удастся про-
держать все это в тайне некоторое время. Я хочу сделать все, на
что способен. Фюрер живет в неописуемом напряжении. В таком
состоянии он находится каждый раз перед началом акции. Но он
говорит, что, как только акция начнется, совершенно успокоится.
(...)

Я обсуждаю с фюрером еще ряд текущих вопросов, некоторые
персональные дела и т. п., а потом исчезаю опять через заднюю
дверь. На улице — ливень. Когда я прощался с ним, фюрер был
очень растроган. Это для меня — великий момент. Проехали по
парку, потом мимо заднего портала и дальше помчались по ули-
цам, где под дождем прогуливались люди, ничего не знавшие обо
всех наших заботах и живущие одним днем. Для них живем и
боремся все мы, беря на себя любой риск. Лишь бы жил наш
народ! (...)

По радио идет веселая развлекательная передача. Это тоже —
средство маскировки. Я еще раз запрещаю всем нашим средствам
массовой информации внутри страны и за границей касаться темы
Россия. До дня «Х» это — табу. (...)

17 июня 1941 г. Вторник.

Вчера: (...) у нас почти нет никакого материала для пропа-
ганды и полемики. Я запретил тему «Россия» всю, целиком. Все —
в подвешенном состоянии. Насчет России — неисчерпаемая шкала
слухов: от готового заключения мира до уже разразившейся вой-
ны. Это очень хорошо для наших целей, а потому усердно стиму-
лируется нами. Слухи — хлеб наш насытный. Мы противопостав-
ляем им наше собственное молчание. (...)

Все подготовительные меры уже приняты. Это должно начаться
в ночь с субботы на воскресенье. В 3.00. Русские все еще масси-
рованно концентрируют свои войска на границе. При их незначи-
тельных транспортных возможностях они за несколько дней
изменить уже ничего не смогут. Они прибегают к типично большеви-
стским уловкам: так, минирование производят солдаты, пере-
одетые в женскую одежду, и т. п. Но все это прекрасно видно в
полевые бинокли. О том, что таковые имеются, большевики, оче-
видно, не знают. Мы эффективно познакомим их с этим и с кое-
чем еще! (...)

Румыны ведут себя по отношению к России недостаточно

скрытно. В своих газетах они говорят о предстоящей войне, провозглашают требования воссоединения с отторженными у них областями и дают себе волю в громких и мистических прокламациях. Это для нас не очень-то хорошо и никоим образом не укладывается в общую картину. Я энергично протестую против этого. До поры до времени молчание — золото. Уже скоро они смогут заговорить об этом снова. Волна слухов нарастает. Человек не-посвященный даже не видит никакой возможности решения вопроса с Москвой. Но это — только тактика, чтобы они мнили себя в безопасности. Мы на это не поддадимся. Частично говорят о русской всеобщей мобилизации. Это я пока считаю совершенно исключенным. В Анкаре качаются туда-сюда. Но говорить, что в случае конфликта там встанут на сторону России, столь чересчур абсурдно, что даже не заслуживает возражения. Мы не удостаиваем такую чушь внимания, хотя это и идет нам на пользу. <...>

США требуют, чтобы наши консульства до 10 июля прекратили свою работу и покинули страну. Ликвидируется и библиотека, организованная нашим министерством в Нью-Йорке. Все это — булавочные уколы, но отнюдь не удар ножом. Как-нибудь переживем. <...>

18 июня 1941 г. Среда.

<...> Маскировка от России достигла своей наивысшей точки. Мы настолько захлестнули мир потоком слухов, что уже и сам с трудом ориентируешься. От мира до войны — это такая шкала, из которой каждый может выбрать то, что ему хочется. Наш наиновейший трюк: мы планируем созыв большой мирной конференции с участием также и России. Желанная жратва для мировой общественности. Но некоторые газеты почуяли, что пахнет жареным, и подходят весьма близко к истине. <...>

Мы соблюдаем во всех касающихся России вопросах абсолютную сдержанность. В отношении США тоже ведем себя осторожно. <...> Мы не должны позволить спровоцировать нас. <...>

У фюрера. <...> Можно ли еще долго сохранять маскировку против России? Я в этом сомневаюсь. Во всяком случае, с каждым днем маскировка эта все больше раскрывается. Мы живем в лихорадочно высоком напряжении. Гроза должна разразиться со дня на день. Хоть бы скорее прошла эта неделя! <...>

Розенберг весьма ясно высказывает насчет своих задач на Востоке. Он весьма досконально знает местные проблемы. Он тоже верит в очень быстрый крах России. Только бы русские сохранили концентрацию своих войск на границе! <...>

Наши уловки в отношении России постепенно разгадываются. Начинают их раскусывать. Наступает самое время действовать. Поздно вечером мне звонит фюрер: когда закончится печатание 3 млн экземпляров листовок и как мы сможем их использовать? Надо иметь их немедленно, срок — одна ночь. <...>

19 июня 1941 г. Четверг.

«...» Первоначально удается напечатать 800 тыс. листовок для наших солдат. Я приказываю сделать это с соблюдением всех мер предосторожности. Типография будет оцеплена гестапо. До дня «Х» рабочие выйти из нее не смогут, обеспечиваем их питанием, предоставляем им койки. Листовки будут в упакованном виде переданы вермахту, который под надзором офицеров отправит их на фронт. Там их распределят по всем ротам в то утро, когда начнется акция. Вся эта процедура весьма затруднительна, но только это гарантирует сохранение тайны. «...»

Вопрос о России медленно, но проясняется и для другой стороны. Избежать этого было невозможно. В самой России готовятся к пропагандистскому Дню Красного Флота. Этот день станет для них хорошенъким крахом. «...»

Опубликовано германо-турецкое соглашение. Первая бомба! «...»

20 июня 1941 г. Пятница.

Вчера: безумно много дел. Дикая спешка. «...» Германо-турецкий пакт о дружбе — огромная сенсация. Гарантируются границы, хозяйственный обмен, мир в прессе и на радио. Лондон говорит, что мы могли ожидать большего и потому это для нас — неудача. «...» Финляндия открыто призывает резервистов. «...»

Москва постепенно начинает наглеть. Я подавляю слухи о созыве рейхстага. «...» Воззвание фюрера к солдатам Восточной армии уже отпечатано, упаковано и разослано. Но придется набирать заново, так как плохо оформлено. Содержание: разъяснение причин германо-советской распри. Вперед на врага! Блестящее объяснение всего дела. Мы отправляем листовки на фронт со строжайшим соблюдением всех мер предосторожности. Все это связано с чудовищными трудностями. Одновременно я пресекаю совершенно нелепые слухи, распространяющиеся среди части партийного руководства. Слушал новые фанфары для радио. «...»

Северная Африка. Итальянцы трусивы, а их офицеры — продажны. Мы имеем самого плохого союзника, какого только можно было придумать. Роммель стал там легендарной фигурой. Фюрер произвел его в корпусные генералы. Я по-прежнему делаю все возможное для [пропагандистского] обеспечения войск.

У фюрера: дело с Россией совершенно ясно. Фюрер прославляет преимущества нашего режима по сравнению с либеральным. Мы воспитываем народ в духе единого мировоззрения. Этому служат кино, радио и пресса, которые фюрер называет самыми важными средствами руководства народом. Отказаться от них государство не может никогда. Фюрер также хвалит нашу журналистику. Этому значительно способствовали пропагандистские роты. Во всяком случае, наша работа в данный момент котируется высоко. «...»

Волна слухов о России немногого ослабла. Она явно миновала

свой пик. Мы и дальше молчим железно. Это и есть самое лучшее.
⟨...⟩

21 июня 1941 г. Суббота.

Вчера: полный драматизма час близится. В Северной Африке английское наступление закончилось полной германской победой. Лондон приводит гнилые отговорки, а мы его как следует тычем носом. ⟨...⟩

Вопрос о России с каждым часом становится все драматичнее. Молотов попросил визита в Берлин, но получил резкий отказ. Наивный расчет! Это следовало бы сделать на полгода раньше. Наши противники идут к своей гибели. Читаю подробную памятную записку о русско-большевистской пропаганде. В борьбе с ней нам иногда приходится раскалывать твердый орешек, она не такая дурацкая, как английская. Ее ведь делают евреи! Я предусмотрительно уже сейчас привожу в готовность радиоглушилки. В Финляндии — мобилизация. Что ж, пусть Москва заметит, что именно грозит большевизму. Наконец-то я нашел то, что нужно. Воззвание фюрера напечатано заново и отослано на фронт. ⟨...⟩

Договор с Турцией очень помог нам дипломатически. Лондон после первого ошеломления способен только на смущенное бормотание. А тем временем кризис нарастает. ⟨...⟩

Война в Северной Африке ведется с еще невиданной суровостью и в чрезвычайно тяжелых условиях. Но Роммелью и его людям и это нипочем. Они заслуживают высшей похвалы и исторической славы. ⟨...⟩

С Россией дело идет правильно. Войну ожидают каждый день. Раздаются лишь отдельные голоса, утверждающие, что это — блеф. Фюрер очень доволен нашими фанфарами. Он велит подготовить еще несколько, положив в основу песнь Хорста Весселя. ⟨...⟩

22 июня 1941 г. Воскресенье.

Вчера: ⟨...⟩ нападение на Россию начинается ночью в 3.30. Мне еще не вполне ясно, будет ли воззвание фюрера зачитано по радио сразу или только утром, в 7 часов. Мы хотим сразу же, в первый день, прочитать по радио предостережение насчет диверсионных групп русских парашютистов. Секретное донесение одного нашего агента настойчиво предупреждает о таких запланированных попытках. В остальном затмевает для общественности все другие темы. Международная общественность топчется в полной темноте. К тому же Запад вскоре получит облегчение. Оскорбительное, направленное против нас заявление Рузвельта совершенно потонуло в общем шуме: момент для него выбран не очень-то удачно. ⟨...⟩

Время оглашения воззвания еще должно быть определено фюрером и мною. ⟨...⟩ Фюрер предпринимает небольшую прогулку на автомашине. Он выглядит совершенно переутомленным. По его

возвращении сразу же начинается обсуждение обстановки. Он подготовил новое обращение к народу, которое немного превосходит другое — к солдатам. Я предлагаю несколько мелких изменений. Оно превосходно и излагает всю суть дела.

Итак, наступление начинается в 3.30! 160 укомплектованных дивизий. Линия наступления протяженностью 3 тыс. километров. Самое крупное во всем мире сосредоточение войск. По мере того как приближается час решения, фюрер все больше освобождается от давившего на него страшного бремени. Он просто оттаивает. Кажется, что с него спадает вся усталость. Мы прогуливаемся три часа туда-сюда по его салону. Я вновь могу бросить взгляд в его внутренний мир. Нам не остается ничего иного, как нападать. Эта раковая опухоль должна быть вырвана каленым железом. Сталин должен пасты. Деканозов в Берлине снова заявлял протест против нарушения нашими самолетами границы. Ему дан достаточно ясный ответ! Дуче введен в курс дела в воскресенье. В общих чертах он ориентирован во время последней встречи на Бреннерском перевале. Мы сами определяем тенденцию борьбы. Она однозначна и ясна. Прежде всего мы пускаем в ход аргумент, что двойственная позиция России до сих пор мешала решить вопрос об Англии. Партию мира в Англии фюрер оценивает очень высоко. Иначе инцидент с Гессом не замалчивался бы начисто столь систематично. Для Гесса у фюрера находятся лишь слова презрения. Не будь он умалишенным, его следовало бы расстрелять. Он нанес безумный вред партии, но прежде всего вермахту. Ему никогда не будет позволено вернуться в общественную жизнь. Воздействие его поступка на солдат было очень отрицательным. (...)

После долгих колебаний время зачтения возвзвания было назначено на 5.30. К тому времени фюрер будет знать, как идет наступление, и об этом должен узнать народ и весь мир. Целый час прослушивали фанфары. При этом оба мы остановились на коротком мотиве из песни Хорста Весселя. Фюрер очень доволен нашей работой в этой области. На этом наши приготовления закончились. Он работал над всем этим с июля прошлого года, и вот момент наступил. Сделано все, что вообще можно сделать. А теперь решить все должно военное счастье.

23 июня 1941 г. Понедельник.

Вчера: давящее жаркий день. Нашим войскам будет нелегко сражаться. Выступил Молотов: дикая ругань и призыв к патриотизму, слезливые жалобы, а за всем этим проглядывает страх. «Мы победим», — говорит он. Бедняга!

Англия еще занимает двойственную позицию. Там слишком ошеломлены. В США пока только сенсация. Антонеску публикует поэтические возвзвания к армии и народу. Финляндия еще не шевелится. Венгрия настроена сильно антибольшевистски и выступает за нас. Италия объявляет России войну. Весьма приличный поступок. По всей Европе проходит волна антибольшевизма. Решение

фюрера — самая крупная из всех мыслимых сенсаций. Наша воздушное нападение начинается в самом традиционном стиле. На русские города, в том числе Киев, и аэродромы обрушаются 900 пикирующих бомбардировщиков и 200 истребителей. Военные действия начались по всему фронту протяженностью в 3 тыс. километров. Первые небольшие реки повсюду форсированы. <...>

Во второй половине дня уже проясняется психологическая ситуация. Возвзание фюрера текстуально передано для всего мира. Лондон пока говорит, что Гитлер спятил с ума, и указывает на пример Наполеона, который привел и Молотов. По этому поводу мы еще подискутируем. Некоторые английские голоса призывают к благоразумию и показывают, что потеряет Англия, если мы захватим Украину. США предаются ругани. Но, как известно, нам от этого ни жарко, ни холодно. Если мы победим, все равно окажемся правы. Из Японии о ее позиции пока еще ничего не слышно. Русские понесли до сих пор тяжелейшие потери в авиации. При своем воздушном налете на Тильзит они из 73 нападавших самолетов потеряли 22. Операции развиваются по плану. <...>

Риббентроп после зачтения мною возвзания фюрера вставил и свое словечко. Дань его щеславию. <...>

Русская концентрация войск подобна французской 1870 г., и они потерпят такую же катастрофу. Первоначально русские оборонылись лишь умеренно. Но их авиация сразу же понесла ужасные потери: 200 сбитых самолетов, 200 — разбитых на земле, 200 повреждено. Уже одно это — огромный урон. Мы вскоре добьемся своего. И мы должны вскоре сделать это. У нашего народа слегка подавленное настроение. Народ хочет мира, а каждый вновь открытый театр войны готовит ему новые заботы и тяготы. Испанская пресса весьма рьяно поддерживает нас. Точно так же, как и шведская. В Европе распространяется нечто вроде атмосферы крестового похода. Мы сможем хорошо использовать это. Но не слишком напирая на лозунг «За христианство». Это было бы все-таки чересчур лицемерно. <...>

Каждую минуту поступают новые известия. К настоящему часу уничтожена тысяча русских самолетов. Это для русских — приятный сюрприз. Взят Брест. Все задачи дня выполнены. До сих пор никаких осложнений. Мы можем быть весьма спокойны. Советский режим полетит вверх тормашками. Выступает Черчилль. Безумная брань по адресу фюрера. А в остальном его речь — одно сплошное подтверждение сотрудничества Лондона и Москвы против нас. <...>

24 июня 1941 г. Вторник.

Ход военных операций на Востоке хорош сверх всяких ожиданий. Наши новые виды оружия оказывают уничтожающее воздействие. Русские дрожа вылезают из своих бункеров и пленные в течение целого дня даже негодны для допросов. Мы продвигаемся вперед двумя раздельными фронтами. К настоящему вре-

мени уничтожено 1800 русских самолетов. Их истребители уступают в скорости нашим Ю-88. Все идет планомерно. <...>

Русские противостоят нам таким образом, что мы можем перемалывать их живую силу. Посмотрим, как пойдет дело дальше.

На своем совещании в министерстве [пропаганды] я обрисовал всю ситуацию и открыл карты. Повсюду огромное удивление. Наша тактика направлена на то, чтобы вскрыть англо-русский заговор. Речь Черчилля служит для того наилучшим образом. В США отношение весьма двойственное. Это усиливает нашу боевую позицию против большевизма. В Европе возникает нечто вроде единого фронта, появляется идея крестового похода. Можно хорошо использовать. Мы постепенно снова заводим антибольшевистскую пластинку, но делаем это помаленьку, чтобы переход не был слишком резок. В народе настроение все еще выжидательное. Поворот оказался слишком внезапным. Это долго не продлится. Как только пойдут первые зрывные победы. В Восточной Пруссии творится что-то сумасшедшее с противовоздушной обороной, эвакуацией и т. п. Я приказываю немедленно навести порядок. <...>

Вместе с Паволини отправляемся к фюреру. Он принимает нас, чтобы растолковать русскую кампанию для итальянского домашнего употребления. Фюрер тоже видит продолжение операций в весьма благоприятном свете. Ясно показывает силу нашего фронта против большевиков. Это в Италии понимают очень хорошо, ибо там шли вместе с нами прежним курсом только в угоду нам. Италия всегда была против Москвы. Фюрер выезжает на фронт. Я прощаюсь с ним. Он очень серьезен и торжествен. Возвращайтесь с победой! Здоровья Вам! С Богом! Он такой великий человек! К нему можно питать только благоговение! <...>

500 метров еженедельной кинохроники о начале нашего похода против России. Снова частично показано наше новое оружие, это мрачное орудие убийства, просто-таки сметающее все на своем пути. Русские пленные, дрожа всем телом, выбирающиеся из блиндажей и убежищ. Над советским государством свершается сейчас исторический Страшный Суд Господен. <...> Я считаю, что война против России как с психологической, так и, пожалуй, с военной точки зрения — наш величайший бой. Общеевропейское настроение против Москвы растет. Даже «Таймс» высказываетсь весьма скептически. Но четкого формулирования этого мнения пока еще нет.

25 июня 1941 г. Среда.

Вчера: <...> на Востоке за оба первых дня уничтожено 2585 русских самолетов, в сравнении с 51 у нас. Наземные операции тоже идут хорошо. Значительные успехи, превосходящие все ожидания. Враг дерется хорошо. Попытки восстаний в Прибалтийских странах. Вторглись в Ковно. Ленинград горит, еще частично. Пока мы никаких подробностей в сообщениях ОКВ не публикуем. Про-

тивник должен находиться в полном неведении. Вероятно, у него нет никакого представления обо всем в целом. В Москве произносят речи и баюлятся в старом коммунистическом стиле. Но в грохоте орудий это звучит совершенно пустыми словами. К тому же против нас ведется кампания распространения лживых слухов о наших зверствах, которую мы сразу же парирем контрывпадами. Но пропаганда там поставлена лучше, чем в Лондоне. Здесь мы имеем перед собой более поднаторевшего противника.

В Мадриде — крупные демонстрации в нашу поддержку. Европейский фронт против Москвы вырисовывается все резче без нашего прямого содействия. Я временно несколько ослабляю слишком сильное подчеркивание нашей прессой многонационального характера государства Россия. Это только усиливает сопротивление врага. Это можно будет сделать и через неделю. Даю также распоряжение: вопроса об экономических выгодах победы над Москвой пока не касаться. Наша полемика целиком идет в политической плоскости. От публикации крупномасштабных карт России я еще воздерживаюсь. Огромные пространства России могут только напугать наш народ. Резко выступаю против неумного назначения сроков победы. Если мы скажем, что она наступит за четыре недели, а это произойдет через шесть, то наша величайшая победа в конце концов все-таки окажется поражением. К тому же министерство иностранных дел неудовлетворительно хранит военные тайны. Я велю гестапо принять меры в отношении одного высокопоставленного болтуна. Единый фронт Москва — Лондон — Вашингтон становится все более явным. Я приказываю заняться данным вопросом поближе. Мы представим косвенные доказательства этого [заговора против Германии]. <...>

Теперь мы выступаем против России с более сильной радиопропагандой. Сэмнер Уэллес высказался полностью в духе красного большевизма. Старый, так знакомый нам единый фронт от капитализма до большевизма. <...>

26 июня 1941 г. Четверг.

Вчера: давящая, душная атмосфера, в которой едва можно дышать. И все-таки работа кипит, летят телеграммы, непрерывно звонят телефоны. Мы глубоко вклинились в русскую территорию. Ковно, Вильно, Слоним и Брест-Литовск — в наших руках. На юге — слабые бои. Русские обороняются храбро. Никаких отступательных маневров. Это хорошо. Так мы их заполучим скорее! Они теряют бесчисленное множество танков и самолетов. Это — предпосылка победы. Следует ожидать огромнейших успехов. Наше сообщение ОКВ все еще говорит не более того. Пусть наша тактика будет русским неясна. В США срок нашей победы уже сократили до 10 дней. Я со всей энергией велю отставить это. Иначе огромный триумф будет в конечном счете выглядеть поражением из-за того, что мы не уложимся в сроки, назначенные США. <...>

Русские военные сводки воняют ложью. В ответ мы пока помалкиваем. Тем громаднее будет триумф, когда мы выложим все как есть. Русские радиопередатчики пытаются вести разлагающую пропаганду среди наших солдат. Треп! Наши же радиопередатчики Москвой глушатся. Но я смогу ввести в действие радио Ковно. (...)

Своим нападением на Москву мы вбили клин в лагерь плутократов. Наша психологическая ситуация в настоящий момент отлична. (...)

27 июня 1941 г. Пятница.

Вчера: центр тяжести — на Востоке. На южном участке фронта — маневренные бои. Наши соединения не дают врагу свободы маневра. Слава Богу, противник не предпринимает необходимых мер для отступления. На центральном и северном участках фронта мы продвигаемся дальше вперед. Минск в наших руках. Первый большой мешок начинает завязываться узлом. В нем окажется множество пленных и всякой техники. У русских гигантские потери танков и самолетов. Но они сражаются еще хорошо и с воскременья [22 июня] уже многому научились. Достигнутые нами до сих пор успехи более чем удивительны. На севере даже великолепны. Финляндия вступает теперь в войну и официально. Швеция пропускает одну германскую дивизию. Дания за нас, в Испании — демонстрации против Москвы. Италия пошлет экспедиционный корпус. Если только это не кажется, антибольшевистский единый фронт начинает образовываться. (...) Напряжение во всем мире достигло наивысшей точки. Большевики публикуют военные сводки, содержащие больше пропаганды, чем фактов. Совершенно неуклюже и назойливо. Никакого действия это не оказывает. (...) Московское радио фабрикует, как на конвейере, всякие ужасы. Призыв к нашим солдатам дезертировать. Хотя он глуп и нелеп, все-таки надо быть настороже. Большевики — это вам не англичане! Кое-что в разлагающей пропаганде смыслят. (...) Во всяком случае, с ответом Москве мы в долгу не останемся. (...) В Лондоне — большая дилемма. Точно так же — трещина в общественном мнении США. Соседство с большевизмом постепенно становится для них неуютным. Наша же психологическая позиция однозначно ясна и тверда. (...)

Известия с фронта очень скучны. Там все находится в динамике. Но скоро победы посыплются градом. Мы боимся только одного: как бы русские не стали преждевременно отступать и не избегли бы битвы на уничтожение! Показания русских военно-пленных свидетельствуют об их ужасающем уровне. Это — следствие большевистского воспитания. О солдатском обучении и говорить не приходится. Многие при пленении стреляются от страха, так как им внушили ужас перед нашими солдатами. Мы должны вести разъяснительную работу среди них при помощи листовок, так как радио до них не доходит. (...)

28 июня 1941 г. Суббота.

Вчера: война на океанах продолжается. Восточный фронт: на юге — весьма упорное сопротивление. Враг обороняется отчаянно и под хорошим командованием. Обстановка не то чтобы угрожающая, но забот полон рот. На центральном участке успехи весьма хорошие. Первый мешок захлопнулся. В нем — много чего! Это уже признак деморализации противника. На севере — тоже хорошее продвижение вперед. Люфтваффе до сих пор уничтожила 4 тыс. вражеских самолетов. (...)

Русская военная сводка — совершенно неуклюжая пропаганда и едва ли имеет какую-либо ценность. Мы не хотим следовать за Москвой по этому пути. Мы вновь приводим только общие данные. Но постепенно наше молчание невыгодным образом оказывается на нашей пропаганде. Тем лучше будет нам, когда мы наконец покончим с ним. (...) Только на центральном участке русские медленно отходят. Это отнюдь не в духе наших намерений. (...)

29 июня 1941 г. Воскресенье.

Вчера: положение на Востоке: на юге, на румынском фронте, приостановка, небольшие клинья русских, частично на румынской территории. На центральном участке фронта все идет планомерно. Мы уже наносим удар через Минск. Враг теряет огромное число танков и самолетов. Первый крупный котел почти закрыт. На северном участке фронта все тоже идет по плану. Русские защищаются отважно. Командование их действует в оперативном отношении лучше, чем в первые дни. Москва распространяет наглую ложь и сообщения об ужасах. Но мировая общественность не верит ни единому слову большевиков. В США считают положение Сталина отчаянным. В нашем народе уже предаются иллюзиям. Говорят о 600 тыс. пленных, о вступлении в Ленинград и т. п. Все это — из-за нашего полного молчания. Тем не менее фюрер отказывается нарушить его. Даже несмотря на опасность, что народ, получив истинные сведения, будет несколько разочарован. Сейчас военные интересы превыше всего, хотя все мы настаиваем на более подробных сообщениях для общественности. Однако фюрер хочет именно в сегодняшнее воскресенье обрушить на нее целый поток чрезвычайных сообщений. Мы готовим все для этого. (...)

Русское радио целиком работает в старой большевистской манере. С этим мы легко справимся. (...) Фюрер — в наилучшем состоянии духа, очень доволен нашей работой. Наконец-то молчание будет нарушено. (...)

30 июня 1941 г. Понедельник.

Вчера: день чрезвычайных сообщений. Общей численностью 12; опубликование их по радио мы начинаем в 11 часов. Весь мир приник к радиоприемникам. Достигнуто превосходство в воздухе. Гродно, Вильно, Брест-Литовск и Дюнабург (Даугавпилс. — Сост.) в наших руках. Восточнее Белостока окружены две красные ар-

мии. Прорыв их исключен. Минск тоже в наших руках. Русские потеряли 2233 танка и 4107 самолетов. Вот о каких вещах было сообщено народу. Почти что слишком много. К концу у слушавших замечалась даже легкая усталость. Эффект оказался не тот, на какой надеялись. Народ слишком охотно просматривает несущие конструкции нашей информационной техники. Дело было преподнесено с чересчур явным намерением. Несмотря на это, воздействие все же огромное. Особенно на заграницу. (...) Мы снова на вершине нашего триумфа. (...)

Мы работаем на Россию при помощи трех тайных радиопередатчиков. Тенденция первого — троцкистская, второго — сепаратистская и третьего — националистическо-русская. Все три — резко против сталинского режима. Здесь мы пускаем в ход все средства, используем кадры, зарекомендовавшие себя в кампании на Западе. По официальным радиостанциям мы ведем очень резкую и полностью рассчитанную на большевистский менталитет полемику против Москвы. Русская военная сводка с каждым днем становится все более дурацкой. Наверняка разработана евреями! Изобилует единичными поступками и действиями, она тупоумна и узколоба, как передовица «Роте фане»*. С нею мы, разумеется, легко разделяемся. Около 50 млн листовок для Красной Армии уже отпечатано, разослано и будет сброшено нашей авиацией. Москва изымаает у населения радиоприемники — доказательство того, что наша пропаганда бьет прямо в точку. Нас упрекают в Москве в том, что мы будто бы хотим снова ввести царизм. Этой лжи мы отрубим башку очень быстро.

В США — возрастающий кризис. Рузвельт сидит между двух стульев. Изоляционизм все больше и больше поднимает голову. В Лондоне тоже сильные трещины во вражеском фронте. Ведь антибольшевизм засел там слишком глубоко. Всходит посев нашей предыдущей пропаганды. (...)

2 июля 1941 г. Среда.

(...) Поход на Восток. (...) В общем и целом идут очень упорные и ожесточенные бои. Ни о какой прогулке не может быть и речи! Красный режим привел народ в движение. К этому добавляется вошедшая в поговорку тупость русских. У наших солдат дел невпроворот. Однако до сих пор все еще протекает планомерно. Положение не серьезное, но суровое и требует применения всех сил. Русские в своих военных сводках торжествуют. Несколько слишком громко и несколько слишком рано. Мы всей своей мощью боремся против этого. (...)

3 июля 1941 г. Четверг.

Вчера: (...) на Востоке снова прочно замкнулся котел в районе Белостока. Взяты в плен 20 дивизий, 100 тыс. человек, захвачены

* Центральный орган запрещенной нацистами Коммунистической партии Германии (КПГ). Примеч. сост.

необозримые трофеи. Предстоит уничтожение оставшихся частей. (...) Румыния удерживает свой фронт. Москва уже здорово сбавила тон. (...) Наши тайные передатчики продолжают работать. Торглер*. Каспар и Альбрехт усердно участвуют в этом деле. Большая сенсационная подача подготовленного бегства Сталина из Москвы. Призыв к созданию рабочих и солдатских Советов. Но я пресекаю призыв к уличным демонстрациям. Если они не произойдут, мы окажемся в луже. Официальные радиостанции теперь тоже пробиваются со своими голосами. Правда, с несколько смягченной тенденцией. Розенберг больше не смердит. Он передает всю пропаганду на Востоке нам. (...)

Вечером еще одно чрезвычайное сообщение: к настоящему времени под Белостоком взято 160 тыс. пленных и захвачена гигантская добыча. Здесь свершился решающий акт исторического значения. (...)

4 июля 1941 г. Пятница.

Вчера: (...) на Восточном фронте кольцо у Новогрудка тесно сжато. Там ожидается гигантская добыча, предположительные размеры ее пока даже не решаются произнести. А в остальном на всех участках фронта продвижение продолжается довольно быстрым темпом. (...) Но русские бьются очень упорно и ожесточенно. Мы снова пытаемся соответствующей листовочной и радиопропагандой несколько ослабить их тупость. Следует подождать, будет ли это иметь успех. (...)

Ранним утром [3 июля] выступает с речью Stalin. Защитительная речь нечистой совести, пропитанная глубоким пессимизмом. Он рисует всю серьезность положения, призывает к саботажу нашего наступления, предостерегает от паникеров и вражеских слухов. Под этим подразумевается наша работа. Из многих других сообщений из России и о ней я вижу, что работа наших радиостанций и передатчиков начинает доходить. Она будет интенсивно продолжаться. На речь Сталина мы даем отличающиеся друг от друга ответы для Германии и заграницы. На Россию она подается нами как сигнал краха. Мы применяем здесь и апробированные во время похода на Запад более сильные методы пропаганды, например создание паники и т. п. Уже совершенно отчетливо замечен успех. Русский тыл начинает медленно разлагаться. Признаки этого вполне несомненны. Мы бередим эту открытую рану. Особенно мы должны протестовать против брошенного нам Сталиным

* Эрнст Торглер — в прошлом один из руководящих деятелей КПГ, председатель ее фракции в рейхстаге. Был ложно обвинен нацистами в совершенном ими же самими 27 февраля 1933 г. провокационном поджоге рейхстага. На Лейпцигском процессе, в отличие от Георгия Димитрова, вел линию исключительно своей личной, а не политической защиты. После оправдания Имперским судом вступил на путь ренегатства и стал активно сотрудничать с гитлеровцами, в частности принимал участие в работе геббельсовских тайных радиопередатчиков.
Примеч. сост.

обвинения, будто мы хотим восстановить царизм. Впрочем, у нас есть в запасе множество ходких аргументов, которые мы будем пускать в ход один за другим.

Впечатление такое, что мы являемся очевидцами величайшей в истории битвы на уничтожение. И впечатление это, без сомнения, верное. Наши солдаты на фронте теперь совершенно убеждены в необходимости этой войны. Большевизм для них больше не представляет собой опасности. Они только удивляются тем огромным партийным зданиям, которые Советы воздвигли даже в деревнях. Такие, говорят они, следовало бы понастроить Лею*. Что ж, это еще впереди. (...)

Сопротивление красных кажется постепенно сломленным по всей линии. Большевизм переживает в данный момент свой тяжелейший кризис. Мы делаем все для того, чтобы его усилить и ускорить. Сталин призвал сжигать урожай и все запасы. Мы со всей откровенностью отвечаем на это: пусть Россия после своего поражения не ждет от нас ничего, мы дадим ей подохнуть с голоду! Это, верно, чуточку охладит воспаленные умы. (...)

5 июля 1941 г. Суббота.

Вчера: военная обстановка и дальше складывается благоприятно. (...) Благоприятна она и в Прибалтийских странах. (...) В районе Рогачева форсирован Днепр. Тем самым прорвана линия Сталина. Москва, по нашим оценкам, еще имеет в своем распоряжении около 20 тыс. боеспособных самолетов. (...) Наши адресованные русским листовки с призывом капитулировать обладают большой привлекательностью. С ними сдаются в плен целые батальоны. В наказание за хранение этих листовок Москва ввела смертную казнь. Вообще, как кажется, нашей пропаганды там очень боятся. Наши передатчики превосходят сами себя по хитрости и изощренности. Сталину сейчас не до смеха. Значительная часть русской внутренней пропаганды занимается сейчас отражением нашей. Она все еще оборонительна, эта столь превозносимая и внушающая страх большевистская массовая пропаганда!

Речь Сталина вызвала в Англии и США огромное восхищение. Доказательство того, к какой компании принадлежит этот тип! Трещина в общественном мнении США растет. Заигрывание с большевизмом создает Рузельту много новых врагов. (...) В Лондоне и Москве — пессимистическое настроение. Наши войска подходят к Смоленску. Русские творят страшные зверства. Они за это поплатятся. Режим Чан Кайши разрывает отношения с нами. (...) Поверхность Земли меняет свои контуры. Время бешено мчится вперед. Когда же оно успокоится? Под Минском сдались 20 тыс. большевиков, предварительно перестреляв своих политических комиссаров. Признак приближающейся бури? Может быть, она разразится. (...)

* Руководитель Германского трудового фронта, заменившего запрещенные свободные профсоюзы. Примеч. сост.

6 июля 1941 г. Воскресенье.

Вчера: на фронтах дела идут хорошо. В Румынии — без изменений. На центральном участке кольцо сжимается все туже. Наши танки повернуты на север. Москва пока подождет. Туда русские бросают все имеющиеся у них резервы. В Финляндии на границе одна дивизия СС не справилась со своей задачей. Маннергейм командует слишком прямолинейно и до уровня русского командования не дорос. А в остальном — все в движении. Авиация работает отлично. Все наши операции в целом направлены на крупные цели.

Начато большое пропагандистское наступление против большевизма. Оно ведется с помощью прессы, радио, кино и пропаганды. Тенденция: пелена спадает, Москва без маски, большевизм — бич человечества, дурная болезнь, которую надо выжечь каленым железом. Все мы должны быть благодарны фюреру за то, что он подступил к этой опасности и ликвидирует ее. Эта крупная кампания против большевизма начинается немедленно. Введены в действие все пропагандистские средства. Через несколько дней мы увидим последствия как внутри страны, так и за рубежом. Москва же в ответ делает только совершенно примитивную и глупую пропаганду, подобие английской лжи. (...) Московская военная сводка помпезными фразами снова прикрывает большевистские поражения и отступления. Доказательство того, что там дела плохи. (...) Иден произносит речь, в которой вообще отказывается от переговоров с нами. (...) Мы должны действовать быстро, акцию на Востоке нельзя слишком растягивать. Но об этом позаботится и сам фюрер.

7 июля 1941 г. Понедельник.

Вчера: положение на Восточном фронте хорошее. Снова развертываются крупные операции. Русские подтягивают на этот фронт огромные подкрепления. Это хорошо и желательно для нас. Тогда нам не придется преследовать их далеко в глубь страны. Под Минском к нам перебежали 53 тыс. большевиков, трофеи почти необозримы. Однако местами красные оказывают упорное сопротивление. В Москве все же постепенно уясняют себе всю серьезность военной ситуации. Русская военная сводка показывает это. Она пока может сообщить только об отступлениях. Англичане совершают налеты на Мюнстер и другие вестфальские города и даже с некоторым успехом. Они наглеют, даже проводят дневные воздушные налеты. Это — отвлекающие удары на пользу Москве. Они даже бахвалятся насчет своей высадки в Западной Европе. Мы ничего против этого не имеем. Пусть-ка придут! Ясно, что сейчас они предпринимают все возможное, чтобы использовать отсрочку своей гибели. Но, будем надеяться, слишком долго это не продлится.

Мы вещаем по всем передатчикам, ведем мощную кампанию против Москвы. Тайные передатчики работают образцово и до-

ставляют большевикам много хлопот. (...) Наша большая кампания против большевизма началась превосходно. Все информационные и пропагандистские средства задействованы наилучшим образом. Я распорядился продолжать и усиливать эту акцию. Она должна просветить не только наш собственный народ, но и всю Европу, усилить трещину в общественном мнении США и самой Англии. Это в своей большей части уже удалось. (...)

Русские снова наврали с целый короб. Всего даже и не опровергнешь. Особенно дикий вздор они несут насчет германских потерь, они уже называют 700 тыс. человек. Но так бывало при каждом наступлении. В конце концов, мы все-таки имеем 300 тыс. пленных. В Москве царит очень мрачное настроение. Мы будем делать все для его усиления. В Лондоне предаются фантазиям насчет высадки на континенте. Пусть только заявятся! (...)

8 июля 1941 г. Вторник.

Вчера: на фронтах все хорошо. Значительные успехи. На юге — упорные бои. Дороги почти непроходимы. Взяты Черновцы. Операции продолжаются. У противника больше нет никакого оперативного командования. Пленные показывают, что они не капитулируют только из страха перед расстрелом. Настроение у нас на фронте очень хорошее. Войска видят теперь, что этот поход был необходим. На центральном участке все по-прежнему отлично. В Финляндии — очень трудно. Финны для наступления непригодны. Петсамо с его никелем — в безопасности. На Востоке никаких воздушных налетов [противника]. Доказательство того, что красная авиация уже не имеет никакой ударной силы. (...)

Большевики отвечают на нашу пропагандистскую работу дикой кампанией распространения лживых утверждений о якобы чинимых нами зверствах, которая, естественно, усердно поддерживается Лондоном. В ответ мы действуем наступательно, разоблачаем большевизм, и заграница по большей части воспринимает наши лозунги. Большевики делают пугалом немецких парашютистов. Мы действуем этому, сами пускаем в оборот такие сообщения, добиваясь этим возникновения значительной паники. В Москве, по не вызывающим сомнения данным, настроение весьма мрачное. Мы не успокоимся до тех пор, пока красные бомбы не полетят. Это удалось нам [в 1933 г.] в Германии, удастся и на сей раз. (...) Наша листовочная пропаганда против Советов усиливается. Капитулировать! — вот лозунг наших листовок. (...)

В США все еще двоякое настроение. Но в нашей победе над Россией больше не сомневается уже никто. (...)

(На этой дате записи в цитируемом четырехтомном немецком издании обрываются.)

Цит. по: Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente. Herausgegeben von Elke Fröhlich. Teil I.
Bd. 4